

2

Писание и современная культура

Писание в современном мире

Библия не живет за закрытыми воротами церкви, поскольку церковь (при условии, что она остается верной своей сущности и призванию) всегда открыта для Божьего мира. Современная культура неизбежно сталкивается с вопросами, имеющими непосредственное отношение к Библии. Это происходит в разных ее сферах. В настоящей главе я хотел бы выделить те из них, которые особым образом взаимодействуют и пересекаются друг с другом: культура, политика, философия, богословие и этика. Этот список никоим образом не следует считать исчерпывающим, однако он дает некоторое представление о том, почему повсюду, в том числе и в западном мире, достаточно сложно использовать Писание таким образом, чтобы добиться признания и согласия хотя бы в пределах церкви, не говоря уже о пристально следящем за нами мире.

Писание и культура

Непрерывное и широко обсуждаемое взаимодействие между «модернизмом» и «постмодернизмом» посеяло некоторую неуверенность в обществе, по крайней мере в западных странах. Прежде всего это отразилось на трех основных сферах.

Сначала сомнению и деконструкции подверглись наиболее значительные из древних повествований о том, кто мы такие и для чего мы живем. В каком-то смысле модернистская риторика обернулась против самой себя. Модернизм (течение, появившееся в эпоху Просвещения XVIII века) начал свое шествие по миру благодаря творчеству таких писателей, как Вольтер, подвергнув нападкам всеобъемлющее повествование, представленное церковью. Постмодернизм, в свою очередь, поступил точно так же в отношении всех

великих историй («метаповествований»), сообразно которым люди веками строили свою жизнь. В этот разряд попали, в том числе, и столь почитаемые модернистами истории о «прогессе» и «просвещении». Очевидно, что Библия не только включает в себя немало отдельных историй о Боге, мире и человечестве. В полноте своего канона, от Бытия до Откровения, она содержит именно такую всеобъемлющую историю, которая вызывает особое неприятие у наших современников. Как и все метаповествования, она немедленно навлекает на себя подозрение в том, что служит интересам определенной группы людей и является одним из элементов борьбы за власть.

Кроме того, с недавнего времени под пристальное внимание (и даже нападки) попало понятие истины. Многие сегодня оперируют двумя разными представлениями об «истине». Так например, задавая вопрос: «Действительно ли Иисус умер на кресте?», мы, как правило, хотим знать: «Произошло ли это на самом деле?» Но спрашивая: «Содержит ли в себе истину притча о Блудном Сыне?», нам и в голову не придет задуматься о реальности описанных в ней событий. Ведь для понимания притчи это совсем не важно. Мы называем притчу «истинной» в совершенно ином смысле этого слова — в ней мы обнаруживаем правдивое изображение Бога и его любви к нам, а также многочисленные проявления человеческого греха, которые можно найти во всех сферах человеческого знания и опыта.

Пока, как будто, все понятно, — хотя в большинстве своем люди редко задумываются о различных значениях слова «истина» и о том, как это может сказаться на поисках ответов на другие вопросы. Вместо этого представители позднего постмодернизма постарались заключить как можно больше сфер человеческого общения в рамки первого типа «истины», превращая все в «факты», аккуратно упакованные для измерения, взвешивания и освидетельствования, в результате чего наша жизнь и общение выглядят как химический эксперимент или математическое уравнение. Однако эти попытки уже исчерпали себя, особенно в таких областях, как история и социология. Теперь же постмодернизм немного

изменил свой курс: он подталкивает нас к предположению о том, что всякую «истину», в том числе и пресловутые «факты», полученные в ходе научного эксперимента, можно свести к жажде власти (возможно, ученые работают на компанию, стремящуюся к обогащению за счет продажи особого вида лекарства или что-то в таком роде). Всякие притязания на истину, таким образом, продиктованы погоней за властью, как заявил Ницше более столетия назад. Все утверждения о том, «как на самом деле обстоит дело», превращаются в вариации на тему: «Как я понимаю происходящее» или даже «В каком свете мне это выгодно представить».

Быть может, было бы лучше говорить о том, как мы (представители определенной культуры) воспринимаем происходящее? Идея так называемого «социального толкования» оказала значительное влияние на понимание «истины» в целом. Согласно этой идее, на первый взгляд устойчивые, поддающиеся количественному определению понятия на деле оказываются средством, с помощью которого «отдельно взятое общество истолковывает реальность». Поскольку в Библии много говорится об истине и о том, какое отношение она имеет к каждому отдельному человеку, легко представить себе, что ее заявления могут и должны расцениваться как выражения частных, относительных и ситуативно ограниченных точек зрения. «То, что ты считаешь истиной» не обязательно совпадает с «тем, что считаю истиной я». Социальное толкование реальности разнится в зависимости от конкретно взятого общества. Этот культурный сдвиг до последнего времени был бы недоступен для понимания большинства людей. Однако в наши дни он кажется столь очевидным, что, как это ни парадоксально, сам стал одной из абсолютных и неоспоримых истин.

И, наконец, нам пришлось столкнуться с проблемой самосознания. Ответ на вопрос «Кто я?» уже нельзя найти с прежней легкостью. Перестав быть «хозяином своей судьбы и сердца капитаном», человек заглядывает внутрь себя и видит лишь бурлящие потоки противоречивых желаний. Особую тревогу и беспокойство вызывает то, что принцип неопределенности Гейзенберга распространяется и на наше

отражение в зеркале. В доступном изложении этот принцип означает, что в процессе наблюдения за вещами и явлениями объект наблюдения изменяет свои свойства. В Библии много говорится о человеке: о его сущности, о его роли представителя Божьего народа и последователя Иисуса. Прежде всего, мы созданы по образу Божьему и призваны быть людьми, в которых этот образ постоянно обновляется. Итак, мы приходим к выводу, что вера в библейское представление о человеке и стремление жить в соответствии с этим представлением прямо противоречат нашей культуре, поставившей под сомнение не только христианский взгляд на человека, но и все устойчивые и неизменные точки зрения на самосознание личности.

Таким образом, наше понимание мира, окружающей действительности и, наконец, самих себя, вот-вот погрузится в зыбкую трясиину, окутанную туманом неведения, в пелене которого невероятной кажется сама мысль о возможности какого-либо познания. Для людей, именно так воспринимающих себя и мир, неопределенность во всем стала образом жизни. А ведь даже беглый взгляд на большинство газет и журналов свидетельствует о том, что многие люди буквально впитали в себя этот дух современной культуры. Такая неопределенность, в свою очередь, возбуждает в людях новое страстное стремление к определенности. Этим объясняется тяга к фундаментализму, которая в современном мире отнюдь не означает возвращение к мировоззрению, предшествовавшему модернизму. Она, скорее, обращает нас к одной из форм модернизма — чтению Библии в контексте псевдонаучного поиска «объективной истины». Каждая сторона этого явления непосредственно связана с чтением Писания в общем и его ролью в церкви в частности. В своей книге я не собираюсь отстаивать ни различные формы модернизма, ни возвращение к эпохе, ему предшествовавшей, ни, тем более, к уступкам постмодернизму. Я надеюсь указать своим читателям путь через всю эту путаницу и беспорядок к жизни наслаждения Божьим творением и служения ему и Божьему народу в духе христианских и библейских добродетелей.

Писание и политика

От культуры логично было бы перейти ко второй области — *политике*. Реальность порой находит жестокие способы заявить о себе: кто-то проводит черту в песках Ближнего Востока или на дорогах Северной Ирландии, и пересекшему ее грозит смерть. Страшная трагедия 11-го сентября 2001 года, с одной стороны, стала классическим для постмодернизма событием (великие символы экономической и военной империи модернизма были разрушены, то есть в буквальном смысле слова подверглись деконструкции силами воплощенного альтернативного повествования). Однако в то же время она послужила напоминанием о действительности — в первую очередь о реальности смерти — миру, который полагал, будто может бесконечно открывать сам себя, создавая многочисленные варианты закрытого пространства для собственного удовольствия и выгоды.

Политические проблемы оказывают на нас постоянное давление. В современной западной демократии наступил кризис: люди предпочитают голосовать в телевизионных «реалити шоу», а не на политических выборах. Исполнительная власть глушит парламентские дебаты. Открытые дискуссии выхолащиваются и теряют всякий смысл под нажимом подавляющего большинства и разного рода интриганов, оказывающих недемократическое воздействие на законодателей. Спектр убеждений от левых до правых (который, кстати, многие считают частью установленного порядка вещей, но на деле являющийся всего лишь наследием Французской революции) навязывает партиям, обозревателям и избирателям совершенно недопустимое «комплексное» мышление. Подразумевается, что, приняв определенную точку зрения по одному вопросу, вы автоматически занимаете четкую позицию по множеству других, не имеющих непосредственного отношения к первому. Прежние методы (например, времен холодной войны) разобраться в том, кто мы такие и чем призваны заниматься перестали существовать, заставив нас с горечью признать, что мы не имели ни малейшего представления о последствиях своих шагов

и потому оказались неспособными с ними справиться. В результате нам пришлось столкнуться с ситуацией на Балканах и Ближнем Востоке (в частности с палестино-израильским конфликтом), с недостатком продовольствия, СПИДом и другими бедствиями.

Границы так называемой политической нравственности сузились до предела. Холокост и ядерные бомбардировки вот уже более пятидесяти лет омрачают состояние общества. Все нравственные и политические дискуссии на Западе ведутся в мире, обитатели которого знают, что многое из происходящего в нем недопустимо, но не находят средства исправить положение вещей. Всех объединяет желание как можно менее походить на Адольфа Гитлера — цель, без сомнения, благородная, но неспособная помочь нам понять, что происходит в этом изменившемся мире. Не все современные проблемы можно решить, заново переживая события 1930-х годов. Феминизм, постколониализм и другие влиятельные политические движения неустанно напоминают нам о себе. Нередко они черпают жизненную силу в постмодернизме, однако зачастую создают свое собственное новое и «стабильное» понятие о нравственности, примером которого может служить «политическая корректность».

Что же происходит, когда мы читаем Библию в таком мире? Мы понимаем, что ее повествования об исходе и покорении земли обетованной, об освобождении и монархии, об изгнании и возвращении на родину, о том, что Иисус называл себя Богом, и о самом Божьем царстве находят у наших современников совершенно иной отклик, на который нельзя не обратить внимания. Однако вот уже на протяжении двух столетий, начиная с эпохи Просвещения, церковь делает вид, что в Библии ничего не сказано о политике. И потому она более не способна (факт, не признававшийся богословами от Иринейя во втором веке нашей эры до Ричарда Хукера в шестнадцатом) к серьезному и ответственному прочтению Писания, обращенному к наиболее важным политическим проблемам современности.

Писание и философия

Культура и политика отправляют нас к *философии*. Возможно, мало кто осознает, что в основе всех наиболее значительных общественных проблем лежат философские вопросы. Где найти источник знаний? Кто мы такие? Что можно сказать о мире в целом? Единообразен он или делится на «материальную» и «духовную» части? И если так, которая из них более важная, настоящая? Какова природа зла, и как с ним бороться, если это вообще возможно? Как правильно жить в этом мире? Это лишь некоторые классические вопросы, изучаемые западными философами.

Четкий ответ на последние два вопроса появился в эпоху Просвещения. Среди множества составляющих этого культурного взрыва был и новый взгляд на проблему зла, которая приобрела особую остроту в связи с религиозными войнами XVII века и Лиссабонским землетрясением 1755 года. Предположим, что мир действительно разделен на два «этажа»: Бог находится на верхнем, а причинно-обусловленный мир — на нижнем. Если это так, значит Бог не управляет материальным миром и не участвует в его повседневной жизни. В противном случае события, подобные произошедшим в Лиссабоне (а сегодня мы могли бы добавить: «И в Освенциме»), оказались бы просто недоступными пониманию. Но если вынести Бога за пределы уравнивания, заключив, что вместо этого он предлагает нам духовное утешение в настоящем и надежду на будущее, не имеющие ничего общего с материальным миром, то мир оказывается в руках... человечества и принадлежит только ему. Точнее, он принадлежит той его части, представители которой, пока философы размышляли, занимались развитием новых технологий, обещавших беспредельную власть над природой и невиданные дотоле возможности ее эксплуатации. Пусть Бог остается на небесах, а мы тем временем решим все мировые проблемы с помощью промышленных достижений, благодаря нашей бурной энергии и (разумеется) созданным нами империям.

Увы, разрешить их мы не смогли. Просвещение не сдержало своих обещаний. На земле так и не воцарился мир. Более того, страны, где впервые появились на свет идеи Просвещения, сами оказались втянутыми в междоусобные войны, а в числе «разумных» решений вставших перед человечеством проблем оказались такие «победы» просветителей, как Гулаг и Холокост. Величайшая из стран-наследниц идей Просвещения, Соединенные Штаты Америки, по существу превратилась в мировую империю, чье поминутное обогащение особенно заметно на фоне обнищания значительной части остального мира. Все это и многое другое создало благодатную почву, на которой взошли ростки постмодернизма — движения протеста, постепенно переросшего в самостоятельное философское направление. В XX веке философы предпочли оставить обсуждение глобальных вопросов, обратившись к аналитической философии («Давайте, по крайней мере, рассуждать разумно, даже если мы не знаем, о чем говорим») и экзистенциализму («Как оставаться верным самому себе, живя в этом странном, враждебном мире?»). Но и эти новые пути, как оказалось, привели в тупик. Зачем говорить разумно в мире виртуальной реальности и пустых образов, за которыми ничего не стоит? Зачем оставаться «верным самому себе», если я не знаю, что буду представлять собой в следующий момент?

Моя основная мысль заключается в том, что прежние представления о мире оставили свой след в истории изучения Библии, в подходах к ее преподаванию в университетах и церквях, а также в литературе, значительная часть которой все еще считается классической. Однако доверие к самим этим представлениям со стороны господствующей культуры оказалось подорвано. (Многие преподаватели продолжают называть «объективными» результаты исследований, проведенных в отсутствие каких-либо «исходных предпосылок», воспринимая любую попытку поставить их под сомнение как возвращение к наивному некритическому мышлению.) Теперь нас захлестнула новая (и не одна) волна библейских исследований. Постмодернистские движения, подобные упомянутому выше феминизму и постколониализму, привнесли в эти исследования свои, иные подходы. Как

уже было сказано, этот процесс продолжает влиять на то, как люди читают и обсуждают Библию, причем это влияние может усилиться именно в тот момент, когда они этого не замечают. Можно ли, читая Библию, «удержаться на плаву» между Сциллой и Харибдой, подстерегающими нас в водовороте философских дискуссий?

Писание и богословие

Не менее сложный, хотя и достаточно широкий контекст для чтения Библии предлагает само *богословие*, а также непосредственно связанная с ним история библейских исследований, в частности, в североамериканской культуре с присутствием ей плюрализмом мнений, который в настоящее время, кажется, перестал устраивать даже своих сторонников. Место, отводимое Библии в богословии, часто становилось темой дискуссий в период расцвета либерального богословия 1960-х и 1970-х годов. Однако в ходе этих дискуссий так и не было найдено четких и ясных ответов. Хотя многие приписывали Джону Робинсону блестящие заслуги в области библейских исследований, в его самой известной работе «Честен перед Богом»¹ вряд ли можно найти решимость постоянно обращаться к Библии в процессе переосмысления христианского мировоззрения. Более того, Робинсон рассматривал Библию, скорее, как часть проблемы, нежели как способ ее решения. Возрождение тринитарного богословия, начавшееся в 1970-х годах (в связи с этим вспоминаются имена столь непохожих друг на друга богословов, как Юрген Мольтман, Колин Гантон и Роуан Уильямс), также не сопровождалось повышенным интересом к Библии и ее толкованию. Возможно, причиной послужил тот факт, что ученые, чьи исследования могли бы оказаться полезными для богословов-систематиков, в свою очередь обошли вниманием божественную доктрину, как впрочем и понятие «доктрины» как таковой.

Мало кто из богословов-систематиков или философов последних двух поколений посвящал свои труды непосредственно Писанию. Поучительным примером стала недавно

¹ Robinson, John A. T. *Honest to God*. SCM, 1963.

изданная работа Джона Вебстера «Священное Писание: догматический очерк»². Читая эту книгу, практически невозможно догадаться о содержании самой Библии. Вебстер, вероятно, сказал бы, что подобное замечание не имеет отношения к сути вопроса, однако, называя Писание первоисточником христианской мысли, было бы уместно (и не составило бы труда для столь блестящего ученого) подкрепить справедливость своих слов содержанием самого Писания. Возможно, богословы не желают следовать примеру Карла Барта, чье толкование Библии, составляющее значительную часть его «Церковной догматики», не выдержало испытания временем. (Здесь можно назвать двух ученых, труды которых являются выдающимися исключениями из сложившейся практики: Э. К. Тизельтон, чей замечательный объемный комментарий к 1-му Посланию к Коринфянам [Eerdmans, 2000] поистине уникален, наряду с его более ранними работами по философии герменевтики — «Два горизонта»³ и «Новые горизонты герменевтики»⁴, а также Оливер О'Донован, чьи работы, в частности его книга «Желание народов»⁵, содержат глубокие размышления о содержании, а не только о факте существования Писания.)

Читая работы богословов-систематиков, посвященные раннему христианскому вероучению, можно подумать, что исследование Библии ограничивается анализом греческой грамматики, а единственными достойными признания библеистами следует считать тех, которые «обнаружили» в Писании идеи, которые искали в нем сами богословы. Никому уже не приходит в голову, что, вооруженные объективными и беспристрастными методами исследования, ученые могли бы предложить богословам для последующего толкования большое количество «фактов», касающихся Писания. Всякий, кто когда-либо занимался исследованием Библии, знает или должен знать, что мы, библеисты, используем

² Webster, John. *Holy Scripture: A Dogmatic Sketch*. CUP, 2003.

³ Thiselton, A. C. *The Two Horizons*. Paternoster, 1980.

⁴ Thiselton, A. C. *New Horizons in Hermeneutics*. HarperCollins, 1992.

⁵ O'Donovan, Oliver. *The Desire of the Nations*. CUP, 1996.

не меньше приемов толкования, чем кто-то другой, и ожидаем получить определенный результат. Честность научного подхода заключается не в отсутствии исходных предположений, а в их четком понимании и готовности вести диалог с теми, кто придерживаются иных взглядов. Однако когда это удобно, некоторые до сих пор предпочитают в своих работах делать вид, будто прежние идеи в определенном смысле продолжают оставаться истинными.

В более широком контексте движение, именуемое себя «радикальной ортодоксией», представило своего рода новое изложение средневекового богословия, но и в нем не нашлось места для Библии. В противоположность этому, африканские богословы, а также их коллеги из других частей света, не являющихся частью западного мира, в своих работах неизменно опираются на Библию. Но поскольку до недавнего времени мало кто на Западе придавал значение их исследованиям, они не оказали серьезного влияния на развитие богословской мысли. Все большую актуальность приобретают исследования в области взаимоотношения христианства с иудаизмом, исламом, индуизмом и другими религиозными сообществами. Но и в них Библия зачастую предстает как досадное недоразумение, о котором ученые стыдятся даже упоминать.

В современной богословии Библия все чаще рассматривается как один из множества первоисточников — для одних важный, глубокий, дарующий вдохновение; для других — загадочный и неясный. Однако никто не задумывается о том, что христианское богословие может и должно подчиняться ее авторитету, предлагая теоретическое обоснование этого авторитета. Возвращаясь к библейским исследованиям, следует отметить, что многие явления, с которыми нам пришлось столкнуться в последнее время, зачастую незаметно несут на себе печать воздействия упомянутых ранее культурных, политических и философских предпосылок. Среди них можно назвать так называемые «войны за Иисуса», разгоревшиеся в 1990-е годы в Америке, все чаще оспариваемый «новый взгляд на Павла», а также выдвигание на первый план феминистками (и некоторыми другими) «описаний ужасов»

(библейских отрывков, используемых для оправдания насилия и угнетения). В создавшейся обстановке легко понять человека, отчаявшегося найти в Библии нечто большее, чем источник молитвенного вдохновения, причем в отношении определенных отрывков некоторые критики настаивают на необходимости предупреждения читателя о потенциальном вреде здоровью. Итак, есть ли выход из этого положения?

Писание и этика

Этические вопросы всегда занимали важное место в спорах о Писании и его авторитете. Они непосредственно связаны со всеми уже затронутыми нами проблемами, или, вернее было бы сказать, логически вытекают из них. Очевидным примером служат участвовавшие отчаянные попытки возобновить дебаты о войне и мире. Люди, никогда раньше не слышавшие о «справедливых войнах», внезапно ощутили острую необходимость задуматься об этом понятии, а также о библейских основаниях, а возможно, и евангельских заповедях пацифизма. Поддержал бы Иисус пацифистов? Если он отвергал насилие, то зачем опрокинул столы храмовых торговцев? Можно ли считать заявление Павла о том, что «существующие власти от Бога установлены» и имеют право «носить меч» (Рим. 13, 1-7), разрешением для христиан служить в армии? Причем еще совсем недавно этот последний вопрос не вызывал сомнений у большинства западных христиан.

Кроме того, в современном культурном, политическом, философском и богословском контексте возникли и получили новую формулировку вопросы, связанные со взаимоотношениями полов. Подходящим примером в данном случае являются яростные споры между «эссенциалистами» и «конструктивистами» по поводу гомосексуализма. Первые занимают позицию, близкую к модернистской. По их мнению, объективная «сущность» человека выражается в его сексуальной «ориентации», или предпочтениях. Убежденные в этом, они ведут неустанные поиски «гена гомосексуальности». Шаткую позицию конструктивистов можно

считать вполне постмодернистской. Человек делает свой выбор в конкретной ситуации, не будучи обязанным объяснять или оправдывать свое поведение в свете норм, навязываемых ему извне объективной реальностью или его предполагаемой «сущностью». В этих спорах перед нами по-новому открываются если не все, то, по крайней мере, некоторые более ранние столкновения между «природой» и «воспитанием». Но какое отношение все это имеет к Библии?

Писание и новое слово Божье

Необходимость решения спорных вопросов в пяти перечисленных нами областях отнюдь не означает, что христианское прочтение Библии должно принять ту или иную форму под давлением обстоятельств. Все как раз наоборот. Притчи Иисуса, свежим ветром ворвавшиеся в мир иудеев первого века, открыли перед ними возможность понимания Божьего царства и простор для толкования, подаривший людям новый взгляд и новое представление о жизни и молитве. Точно так же Писание обещает нам, что благодатное слово Божье будет вечно могущественно, живо и действенно (см. Ис. 40, 8; 55, 11; Евр. 4, 12). Это должно вселять в нас надежду на то, что, по-новому читая и проповедуя Писание, мы сможем бросить вызов современной культуре и ее влиянию на мир, вместо того чтобы позволить ей выхолащивать это новое прочтение, загоняя его в установленные ею же рамки.

В ходе серьезных дискуссий недостаточно процитировать Рим. 13 для оправдания военных действий или Рим. 1 — для осуждения гомосексуализма, как будто ссылка на соответствующее место в Библии могла бы решить проблему. Ограничиться этим значило бы пренебречь не только давними спорами о контексте и значении каждого из отрывков, но и необходимостью ответа на три основных вопроса:

1. Какого рода авторитетом вообще обладает Библия?
2. Как правильно понимать и толковать Библию?
3. Обладая авторитетом, какое влияние, при условии

правильного толкования, может оказывать Библия сначала на церковь, а затем и на весь мир?

Именно на эти вопросы и обращает внимание читателя моя книга.

О признании различия между прежними и новыми битвами

Споры, разгоревшиеся вокруг Библии, порой напоминают дискуссии, которые велись в XVI веке по поводу авторитета Писания в отношении «предания» и «разума». Этот факт приводит многих в замешательство, поскольку христиане — как миряне, так и представителя священства, — принадлежащие к основным деноминациям, изучали богословие именно в рамках этих дискуссий, и потому чувствуют себя обязанными занять соответствующую позицию. Каждый считает своим долгом хранить верность той или иной партии. Протестанты, особенно те, что придерживаются консервативных взглядов, ратуют за авторитетность Писания. Католики отстаивают преимущественное право предания. Те же, кто считают себя либералами, выдвигают на передний план разум.

Однако и «писание», и «предание», и «разум», как и взаимоотношения между ними на протяжении последних четырехсот лет прошли определенный путь развития. Даже Писание, текст которого сохранился в относительной неприкосновенности, претерпев лишь незначительные изменения в связи с новыми археологическими находками, сегодня *воспринимается* совершенно по-иному в сравнении с XVI веком. Тогда оно считалось вместилищем истинного учения и нравственных принципов, а также наиболее «авторитетным» источником сведений по ранней истории человечества и в частности Израильского народа подобно тому, как Геродот и Фукидид считаются главными «авторитетами» во всем, что касается древнегреческой истории. В наши дни Библия рассматривается, с одной стороны, как неоднородное

собрание письменных свидетельств, отражающих ход развития одного из направлений истории культуры и религии, и с совершенно иной точки зрения — как великое повествование, всеобъемлющая история отношений Бога с миром. Значение слова «предание» также значительно отличается от принятого ранее. Это связано, прежде всего, с работами Джона Генри Ньюмана, посвященными истории формирования церковной доктрины. «Разум», в свою очередь, который для Хукера и его современников означал главным образом способность к ясному и логичному мышлению, в наше время обрел независимость и автономию. Это слово, которое, кстати, зачастую пишется теперь с заглавной буквы, стало означать как отдельный источник, так и указание на предполагаемые результаты современных научных исследований.

Все это приводит к убеждению о том, что представление о современных дискуссиях как о продолжении споров, начавшихся еще в XVI веке, вводит нас в заблуждение. Разумеется, нельзя сказать, что прежние разногласия не имеют значения или никак не связаны с вопросами современности. Степень их актуальности будет обсуждаться далее. Речь идет о том, чтобы, принимая в расчет возникающие трудности и оказываемое на нас давление, тем не менее, глубоко проникнуть в суть того, как быть верным христианином, а также мудрым и зрелым читателем и проповедником Писания в XXI веке. Опираясь на мудрость своих предшественников, мы не должны, однако, полагать, что перед нами встают те же вопросы, что приходилось решать Лютеру или Кальвину, Кранмеру или Хукеру и уж тем более Фоме Аквинскому или Игнатию Лойоле. В иных условиях находились и Джон Генри Ньюман, Карл Барт, Уильям Темпл, Майкл Рамсей и Джон Робинсон. Наше плавание проходит в неисследованных морях, которые намного глубже, чем это может показаться некоторым участникам современных дискуссий.

Поверхностный уровень современных споров

С грустью приходится признать, что значительная часть дискуссий сегодня ведется на поверхностном, банальном

уровне. Это не может не удивлять, учитывая, какой объем исследований был проделан в интересующих нас областях. Мы все привыкли к утомительным перебранкам, цель которых — очернить противника (назвать его «фундаменталистом», «радикалом» и т. д.). Мало кто из нас не выносил приговор: «Виновен в сопричастности». Мы пытаемся определить, кто на чьей стороне, опираясь лишь на сходства, которые мы замечаем в чужих взглядах и убеждениях, хотя это могут быть точки зрения на совершенно разные вопросы. Упрощенческие заявления («В Библии сказано»), равно как и противоположные им («Ваш подход к тексту наивен. Мы читаем его *в контексте*, и это все меняет»), только мешают серьезному обсуждению. (См. далее, глава 9.)

Схожие проблемы возникают, когда люди откладывают Библию в сторону, потому что не желают слышать то, что в ней сказано. Это происходит, хотя и неявно, с так называемыми «консерваторами», которые предпочитают не замечать церковного, экуменического, обрядового и экологического измерений учения Павла о спасении. Они выдвигают на передний план учение об оправдании и личном спасении, обязанное своим происхождением смешению идей Реформации, Просвещения, романтизма и экзистенциализма. То же самое можно наблюдать в дерзком и бесцеремонном поведении так называемых «радикалов», которые в поисках дешевой популярности у противников традиционных взглядов с удовлетворением заявляют: «Павел писал то-то и то-то, но, как известно, он заблуждался». И если мы действительно стремимся к мудрости и пониманию, все это следует назвать своими именами и с позором изгнать из жизни церкви.

Новые публикации

Вышесказанное не означает, что не существует глубоких, поистине серьезных работ, посвященных сущности библейского авторитета. Поскольку у меня нет возможности представить хотя бы краткое описание различных точек зрения, замечу лишь, что я обнаружил массу полезной литературы по интересующим меня вопросам. Помощь в работе мне

оказали книги даже тех авторов, с мнением которых я вынужден был не согласиться. Чтобы не перегружать текст, я перечислил заслуживающие особого внимания работы в приложении. Их обилие указывает на серьезное и пристальное внимание к Писанию. Живой интерес вызывает честный и правильный подход к чтению Библии с учетом культурных и интеллектуальных особенностей современного мира, позволяющий ей занять надлежащее место в жизни и служении церкви. Эти работы, каждая по-своему, отвергают как бесплодные противопоставления классической модернистской полемики, так и отчаянные попытки деконструкции, предпринятые постмодернистами. Они открывают новые пути к глубокому творческому осмыслению всех этих проблем. Все последующее содержание моей книги представляет собой своеобразный и, я надеюсь, конструктивный диалог с деятелями этого зарождающегося движения. Надеюсь также, что желающие продолжить обсуждение данного вопроса не станут необдуманно отстаивать одну из прочно установившихся точек зрения, а будут готовы принять участие даже в самых острых и серьезных дискуссиях.